

Права человека: от теории — к политике

Кугай А. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, Kugay3@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья обращается к правам человека в ракурсах определения их концептуальных оснований, рассмотрения как элемента геополитики и контекстно-ориентированного подхода к их обеспечению. Признание достоинства человеческой личности — главное, на чем базируется концепция прав человека. Идея человеческого достоинства проявляется в равном статусе каждого человека и выражается в том, что при рождении каждый человек становится членом корпоративного органа человечества. С этой точки зрения любая попытка лишить человека его «врожденной» корпоративной идентичности как члена человечества является именно тем, что представляет собой нарушение прав человека. В то же время, следует отделять практику от риторики. На уровне политической практики история прав человека, как и во времена Локка, сохраняет все признаки социального неравенства, остается историей прочерчивания границ прав одних социальных групп, слоев и народов за счет ограничения других. Отождествление сущности прав человека с западной культурой отрицает возможность для других культур иметь те самые права, подтверждая, что те, кто не является частью западной культуры, исключены из радара прав человека. Соответственно, наиболее продуктивным в теории и практике обеспечения прав человека выступает контекстно-ориентированный подход, предусматривающий привлечение к диалогу представителей разных культур, которые не обязательно разделяют одинаковое понимание этики прав человека, выступая контекстно-зависимой универсальностью.

Ключевые слова: права человека, человеческое достоинство, свобода, насилие, «гуманитарная интервенция», свобода слова, двойные стандарты, контекстно-ориентированный подход

Для цитирования: Кугай А. И. Права человека: от теории — к политике // Управленческое консультирование. 2021. № 5. С. 32–44.

Human Rights: From Theory to Politics

Alexander I. Kugay

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation, Kugay3@yandex.ru

ABSTRACT

The article addresses human rights from the perspectives of defining their conceptual foundations, considering them as an element of geopolitics and a context-oriented approach to ensuring them. The recognition of the dignity of the human person — the main thing, on what is based the concept of human rights. The idea of human dignity manifests itself in the equal status of each person and is expressed in the fact that at birth each person becomes a member of the corporate body of humanity. From this point of view, any attempt to deprive a person of his “innate” corporate identity as a member of humanity is precisely what constitutes a violation of human rights. At the same time, practice should be separated from rhetoric. At the level of political practice, the history of human rights, as in the time of Locke, retains all the signs of social inequality, remains the history of drawing the boundaries of the rights of some social groups, strata and peoples at the expense of limiting others. Identifying the essence of human rights with Western culture denies the possibility for other cultures to have the same rights. Affirming that those who are not part of Western culture are excluded from the human rights radar. Accordingly, the most productive approach in the theory and practice

of ensuring human rights is the context-oriented approach, which involves representatives of different cultures in the dialogue, who do not necessarily share the same understanding of human rights ethics, acting as a context-dependent universality.

Keywords: human rights, human dignity, freedom, violence, "humanitarian intervention", freedom of speech, double standards, context-based approach

For citing: Kugay A.I. Human Rights: From Theory to Politics // Administrative consulting. 2021. No. 5. P. 32–44.

Изучение прав человека стало императивом человеческого бытия, значение которого будет непременно возрастать в условиях цивилизационных и геополитических противоречий [5], возрастающего конфликта между декларируемой свободой и тотальным цифровым контролем [6]. Интерес к концепции прав человека распространяется от отдельных лиц и групп в академические круги, парламенты, правительства, НПО и общества, а также от политической философии до политической науки и международных отношений через такие темы, как «режим прав человека», «права детей», «права женщин», «права мигрантов» и т. д.

Что собой представляет институт прав человека, какой набор этих прав реализуется в конкретных исторических условиях? Каковы основные парадоксы формирования и обеспечения прав человека? Чем отличается геополитическая риторика о правах человека от реальной практики их обеспечения в современном мире? Должны ли права человека пониматься в определенном контексте? Если так, разве нет риска, что они утратят свой универсальный характер?

Концептуальные основания

Идея фундаментальных прав человека была сформулирована Марком Туллем Цицероном в I в. до н. э. и Джоном Локком в XVII в. Основные принципы бесспорных прав здесь сводятся к следующему. У Цицерона — право на жизнь, право на безопасность и право на счастье, у Локка — право на жизнь, право на свободу и право на собственность.

Что является основным в этой концепции естественных прав? Прежде всего то, что они связаны с идеей «человеческого статуса», или «человечности», независимыми от природных законов, от законов того или иного общества, не оцениваются по критерию истинности, либо ложности этих законов, признаются всеми членами человеческого общества, видов независимо от их природных или культурных различий, поскольку имеют иное происхождение.

Признание достоинства человеческой личности — главное, на чем базируется концепция прав человека. Идея человеческого достоинства проявляется в высоком и равном статусе каждого человека и выражается в том, что при рождении каждый человек также приобретает корпоративную идентичность «человечества», становясь членом корпоративного органа, не нации, а человечества как корпоративного человека [12, с. 223–240]. Априорная связь между состоянием естественности и правовым статусом человеческого достоинства может быть сформулирована следующим образом: нарушение человеческого достоинства происходит всякий раз, когда с кем-то обращаются таким образом, что, по их мнению, для них было бы лучше не быть рожденными (учитывая, что они действительно родились). Соответственно, европейские протесты в пользу солидарности с беженцами и вынужденными переселенцами основываются на императиве: «Будь человеком». Их иллокутивная сила адресована тем правительствам, которые сделали ставку на свой успех на выборах, выставляя напоказ свое пренебрежение ценностью человеческого достоинства, лежащей в основе международных законов о правах че-

ловека. С этой точки зрения любая попытка лишить человека его «врожденной» корпоративной идентичности как члена человечества является именно тем, что представляет собой нарушение прав человека.

В традиции христианского персонализма, каждый из нас обладает особым достоинством в силу того факта, что «каждый из нас создан по образу и по подобию Божьему» (Быт. 1:26). Возможно, не менее важна и альтернативная генеалогия, которая предполагает, что человеческое достоинство впервые было связано с правами человека не в процессе секуляризации христианских богословских концепций [21; 24], а в контексте борьбы за установление принципа, в котором стремление к мирскому счастью для всех человеческих существ является единственной легитимной целью политики [13]. Это мирское счастье не может быть обеспечено иначе, как путем объединения социальных и экономических прав с политическими и гражданскими правами. В этом смысле, как заметил Клод Лефор: «Реальны только права граждан, а права человека являются фикцией» [8]. Как только человек попадал в ситуацию, независимую от гражданства и национальности, он тотчас становился незащищенным, поскольку за пределами национального государства, установленного им политического порядка, его права институционально не обеспечивались.

В основе любого позитивного права — гражданского, уголовного, конституционного — лежит философская антропология, формулирующая идею человеческого достоинства, толкование и защита которого составляет трансцендентное право, определяя суть остальных прав. Какова философия человека, каков дискурс о его природе — такая система права, которую мы будем иметь. И наоборот, та или иная правовая система (к примеру, рабовладельческое, социалистическое, или либерально-демократическое право) предусматривает определенный образ **человека**.

Концепция прав человека продиктована теми ужасами, которые произошли в ходе Второй мировой войны, желанием никогда не допустить подобного. В декларации 1948 г. говорится, что невнимание к правам человека ведет к войнам, диктатурам, насилию. Нужно уважать права человека, чтобы не вынуждать людей прибегать к последнему средству — праву на восстание. Первостепенное право — право на жизнь. Это право уместно и применимо ко всем, независимо от его культурной принадлежности, политической идеологии, сексуальной ориентации, цвета кожи или географического положения. Отказ от такого права на том основании, что нынешний корпус по правам человека встроен в западную культуру, лишает некоторых людей права на жизнь.

Обобщенно говорить о правах человека не столь продуктивно, есть права гражданские, политические, социальные, экономические, культурные. Каждый исторический режим определяется в том, какие права человека подлежат абстрагированию, а какие — нет. Выделим три составляющие прав человека: 1) «кто обладает гражданскими правами»? 2) «на какие сферы социальной жизни распространяются подразумеваемые универсальными права?»; 3) «каково практическое наполнение таких прав?». Очевидно, у каждого вида прав (гражданских, политических, социальных, культурных) существуют специфические ответы на эти вопросы. Формирование прав — продукт государства, ее правящей и интеллектуальной элиты, результат борьбы народных масс за свои права. «В борьбе обретишь ты право свое!» (Рудольф Иеринг).

Как демонстрирует Тилли Чарльз в Европе демократия возникла в ходе борьбы, но лишь немногие ее участники были намерены сформировать демократические институты. Отсюда условия демократизации неоднородны и зависят от конкретной исторической ситуации, международных факторов, установившихся форм политической организации и системы общественных отношений [11].

Права человека — предмет политических игр. Какой-то из меню набор реализуется, а какой-то маргинализируется. Государства, в зависимости от многих обсто-

ятельств, педалируя политические права, оставляют в тени социальные права. Вас вовлекают в игру за политические права, как это происходит в США, что обладает своей системной мощью. В основе американской политико-правовой системы лежат три недоверия: 1) людей — друг к другу (Контрактные отношения: главное в отношениях между людьми — это доверенность), 2) людей к власти, 3) различных ветвей власти друг к другу. Как заметил Дж. Картер, «Гораздо вернее будет сказать, что гражданские права изобрели Америку» [2, с. 57]. Напротив, Советский Союз выбирал социальные права: право на труд, бесплатное образование и медицинское обеспечение. *В тревогах, связанных с пандемией коронавируса, незаметно прошла знаменательная дата в истории СССР — 90-летие полной ликвидации безработицы. 13 марта 1930 г. последний безработный отметился на последней в рабоче-крестьянском государстве бирже труда. Тем самым было покончено с безработицей в Стране Советов.*

В то же время все гражданские права равнозначны и равноценны, поскольку предполагают друг друга как пальцы на руке. Возьмем право на труд. Допустим, человека необоснованно уволили с работы, или ему платят гроши за тяжелую работу. Как ему обойтись без права на справедливый суд, как обойтись без свободы слова? Как защитить это право на труд? Как реализовать право на равноправие? Как добиться справедливости, как равного воздаяния — «равное за равное». «Неравное за равное — нарушение справедливости» (Аристотель). «Справедливость выражает не какую-то одну добродетель, а охватывает их все. Поэтому справедливость — это особая, «совершенная добродетель». Правосудность (справедливость) — величайшая из добродетелей, «и ей дивятся больше, чем свету вечерней и утренней звезды» [1, с. 23].

Наглядными в этом смысле являются результаты ежегодных исследований Президентского совета по правам человека в контексте нарушения прав. При ответе на первый вопрос «Какие права для вас являются первостепенными?», люди фокусировали внимание на социальные права — право на труд, жилище, медицинское обслуживание, образование. В ответах на второй вопрос «Какие ваши права нарушались в течение последнего года?», бытовые права оставались в тени, но доминировали право на справедливый суд, на благоприятную окружающую среду, право на равноправие, право на справедливые и честные выборы. То есть, важность одних прав — с одной стороны, с другой — те права, которые чаще всего нарушаются.

Не существует зоны, свободной от нарушений прав человека, по умолчанию. Концепция прав человека обретает свой законченный смысл в городах — локализации прав человека, в местах актуализации прав человека или прикладных прав, где происходят нарушения прав человека. «Город прав человека» лучше всего описывается фразой «сообщество в достоинстве». Это — город, чувствительный к правам человека, в котором в повседневной жизни утверждают уважение прав человека, справедливость и мир среди всех жителей города. Важно, чтобы инициатива по развитию своих городов как правозащитных городов исходила от властей, а не только от неправительственных организаций (НПО).

Права человека производны от свободы воли. Соответственно, ее противоположностью выступает социальное насилие как ограничение свободы воли факторами социальной среды [4]. Однако насилие — не всегда видимый феномен, обнаружить его порою непросто, несмотря на то, что мы охвачены его многочисленными репрезентациями. Отсюда люди, находясь в зоне тотального насилия, могут психологически его непосредственно не ощущать. Социальная свобода — привилегия немногих, она закончится, если ею станут обладать все. Отсюда, как заметил М. Фуко, «Моему Я — грош цена», ведь именно власть организует социальное пространство и время, определяет систему ценностей, устанавливает и контроли-

рует общественный порядок. Зачастую, в этом случае индивид переживает «героическое» бытие. «В сакрализованном мире, — отмечал в этой связи А. Камю, — нет проблемы бунта, как нет вообще никаких реальных проблем, поскольку все ответы даны раз и навсегда» [3, с. 133].

Из того, что человек принадлежит к сообществу, отнюдь не вытекает обеспеченность его прав. Предоставление прав становится реальным в том случае, когда, наряду с добровольным причислением себя к сообществу, также гарантируется возможность выхода из него. Поэтому изучение прав человека как образа жизни, внедрение прав человека в жизнь людей через образование, является императивом человеческого и общественного развития. Кто защищает свое право, тот защищает право вообще.

Концептуальное знание требует иерархически упорядоченных принципов, оценивающих контекстуальные факты, что ставит политический дискурс перед выбором приоритетов, которые нередко игнорируются в политике. Политическая история последнего столетия убедительно показала, что смысл бытия социума должен быть ограничен правами человека, равенством свободы его членов.

Права человека как элемент геополитики: риторика и практика

С конца XX в. либерально-демократический дискурс о правах человека начинает доминировать в политической риторике евроатлантических стран. Закидываются понятийные якоря, формируется информационное пространство, в котором защита прав человека, где бы он ни проживал, провозглашается приоритетной задачей мирового сообщества, международных и национальных политико-правовых и гуманитарных институтов. Из этого идея геополитической экспедиции, называемой «гуманитарной интервенцией», признается как легитимная форма реакции развитых стран на неуправляемые хаотические общности «ungovernable chaotic entities» [25, с. 147] или постгосударственные образования «post-state societies» [26, с. 71], неспособные обеспечить безопасность своих сограждан. Это созвучно выводу, сформулированному О. де Риверо, показавшему, что «Вестфальская доктрина сдерживания не способна функционировать в условиях, когда государства не могут эффективно контролировать свою собственную территорию». Соответственно, при такой позиции видения суверенитет рассматривается как ответственность государства за защиту людей от крупномасштабных нарушений прав человека и массовых злодеяний [15]. То есть государство, которое не может защитить своих граждан, больше не является законным суверенным государством [18, с. 152]. Соответственно, условием «гуманитарной интервенции» и его объектом выступает не разложившееся государство (failed state), а регион, в котором отсутствуют государственные институты и, соответственно, нет носителей ни внутреннего, ни внешнего суверенитета.

В результате такого вмешательства более слабые государства становятся еще менее способными контролировать и влиять на свои собственные дела, плодя исключенные и маргинализированные группы населения, включая лиц, ищущих убежища.

В то время как концепция «гуманитарной интервенции» устанавливает высокую планку вмешательства, требуя от государств доказать, что геноцид имеет место до того, как они смогут законно вмешаться, страны, руководствуясь своими геополитическими интересами, определяют таким образом, чтобы каждый случай анархии и насилия давал бы повод для вторжения в суверенное государство [24].

Опыт европейской «гуманитарной интервенции» должен включать в себя и африканский сценарий. К концу девятнадцатого века Африка парадоксальным образом оказалась в центре как европейского завоевания, так и гуманитарной интервенции,

возглавляемой миссионерскими и светскими организациями. «Борьба за Африку» разделила континент на лоскутное одеяло из плохо управляемых государств, возглавляемых Европой, где коренные народы оказались жертвами крупномасштабных, систематических злодеяний в результате эксплуатации труда и имперского вмешательства в региональные конфликты. Например, ужасы бельгийского правления в Конго были хорошо описаны Кевином Грантом в «Цивилизованной дикости» (2004) и Адамом Хохшильдом в «Призраке короля Леопольда: история алчности, террор и героизм в колониальной Африке» (1998).

Поскольку дискурс о правах человека — продукт европейской культуры, его авторы невольно полагают, что условием их соблюдения является наличие политико-правовых, экономических институтов, институтов культуры, сложившихся в эпоху модерна, основанных на ценностях гражданского общества и гражданской нации, разделении и сменяемости властей, верховенстве закона и права, конкуренции в политической, экономической и культурной сферах. Утраченное чувство универсальности гуманитарного идеала привело к тому, что Майкл Томас называет «кризисом идентичности», который требует от ученых повторения «политики, власти и этики» при изучении взаимодействия Запада с остальным миром [14, с. 5–6]. Главным методом разрешения цивилизационных противоречий признается повсеместное распространение демократии, интервенция и насилие, в этом случае, обуславливается соображениями гуманизма и человеколюбием. Концепцией гуманитарной интервенции оправдывались вооруженные вторжения в Югославию (1999), Афганистан (2001), Ирак (2002), Ливию (2011). В своих оправданиях вооруженной экспансии в Ираке, США, президент Буш интегрировал гуманитарные проблемы со ссылками на оружие массового поражения (наличие которого так и не было установлено), терроризм, национальные интересы, безопасность, соблюдение резолюций ООН и продвижение демократии. Выходит, «чем больше у страны авианосцев и крылатых ракет, тем сильнее желание поделиться демократией со странами, которым она не нужна в силу отсутствия политической культуры, основания которой были заложены в эпоху модерна».

Следствием этих выводов является то, что гуманитарные нарративы, утверждаемые либерально-демократическим политическим дискурсом, недостаточны для предотвращения насилия и гражданской войны. На практике гуманитарные интервенции превратились в элемент геополитики, приводящей путем прямой интервенции, либо посредством финансовой и вооруженной поддержки радикальной террористической оппозиции к фактическому разрушению государственных институтов. Что наблюдалось в Сирийской Арабской Республике. Лишь оказанная Россией, по просьбе правительства САР, помощь позволила сохранить и усилить государственные институты, обеспечивающие защиту значительной части населения страны.

Сегодня права человека выступают как инструмент дипломатического давления и демонстрации политического превосходства над другими странами. Манифестацией этого является «обмен любезностями» между Госдепом США и Госсоветом КНР. К примеру, с 1977 г. ежегодно Госдеп США публикует отчеты о состоянии прав человека в мире. В заявлении по случаю публикации доклада Госдепартамента за 2019 г. госсекретарь США Майк Помпео особо отметил нарушения в Китае, Иране, Венесуэле и Кубе. Всего доклад оценивает ситуацию в 200 странах и территориях¹. По словам госсекретаря, Коммунистическая партия Китая использует высокотехнологичные системы наблюдения для отслеживания потенциальных дис-

¹ Помпео представил ежегодный доклад Госдепартамента о ситуации с правами человека [Электронный ресурс]. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/pompeo-release-country-report-human-rights-practices/5324703.html> (дата обращения: 06.02.2021).

сидентов, отправляет в концентрационные лагеря представителей религиозных меньшинств и запугивает журналистов.

Госсовет КНР 22-й год подряд раскритиковал доклад Госдепа по ситуации в области прав человека в мире и опубликовал ответный документ, в котором представлены факты, указывающие на ухудшение ситуации с гражданскими свободами в США¹. Власти КНР обращают внимание на рост преступности в США, обострение межрасовых отношений, бесцеремонное вмешательство властей в личную жизнь граждан в интернете, нарушая границы личной неприкосновенности. В качестве примера расовой дискриминации демонстрируется судебная статистика. Она свидетельствует о том, что в США мужчина с темным цветом кожи в среднем получает срок тюремного заключения на 19,1% больше, чем оказавшийся в аналогичной ситуации представитель европеоидной расы. Отмечается, что зарплата представителей различных нацменьшинств значительно ниже, а уровень нетерпимости к мусульманам стал даже выше, чем после терактов 11 сентября 2001 г.

Цена вооруженного вмешательства во внутренние дела суверенных государств контрпродуктивна. Нет ни одного региона, в котором бы установилось хотя бы относительное спокойствие в результате осуществленной гуманитарной интервенции за последние годы. Следствием вмешательства «миротворцев» становилась дезорганизация общественной жизни, разгул неконтролируемого насилия, либо временное изменение соотношения сил между сторонами конфликта. Масштабные вооруженные операции не предотвратили очевидные массовые нарушения гуманитарного права в Ираке, Афганистане и Ливии. Это связано с тем, что организаторы интервенции оказывали политическую и военную помощь антиправительственным силам, по сути, участвуя в боевых действиях на их стороне. Гуманитарная интервенция обернулась в пропагандистскую вуаль, прикрывающую реальную цель западных геополитических проектов, предполагающих либо свержение и смену существующих политических режимов, либо учреждение непосредственного политического и военного контроля над регионами, обладающими щедрыми природными ресурсами.

Отзываясь на теракт в Нью-Йорке (2001 г.) Жак Деррида отметил, что сочувствие жертвам включает в себя не только тех, кто погиб... Ни о какой невинности постиндустриального мира перед лицом преступления такого масштаба не может быть и речи, поэтому сочувствие жертвам включает в себя не только тех, кто погиб в Нью-Йорке, но и тех, кто стал жертвой «собственных ошибок» западного мира. При этом цена, заплаченная за «ошибки», признается «ужасной» и «непропорционально высокой» [10]. «Бесконечное правосудие» с необходимостью включает в себя прежде всего самих западных людей и призывает извлечь из этой ситуации «гегелевский урок»: то, что экстериоризуется как наиболее чуждое, внешнее, агрессивное атакующее нас извне, есть интимнейшая часть нас самих».

Суть гуманитарной интервенции проявляется в «двойной оптике». Дело в том, что США, подобно двуликому Янусу, с одной стороны — либерально-демократическое государство, основанное на принципах свободы слова и вероисповедания, равенства граждан перед законом. С другой стороны, существуют США не как демократическое государство, а государство национальной безопасности, власть в котором нацелена на борьбу с внешними и внутренними врагами. И над этим государством не существует действенного контроля. Двойная оптика гуманитарной интервенции «постдемократического» (К. Крауч) [7] национального государства

¹ Китай опубликовал доклад о нарушениях прав человека в США [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.trud.ru%2Farticle%2F13-03-2020%2F1387366_kitaj_opublikoval_doklad_o_narushenijax_prav_cheloveka_v_ssha.html (дата обращения: 06.02.2021).

проявляется в двойных стандартах: права человека защищаются в избранных странах (скажем, в Китае), но не в Саудовской Аравии. Принципы политической борьбы на международной арене в «постдемократическом» государстве таковы: 1) если за что-то стоит бороться, тем более стоит бороться нечестно; 2) честный ответ может принести вам только проблемы; 3) факты, какими бы интересными они ни были, не имеют значения; 4) истина изменчива; 5) обещание не является гарантией.

Фарисейство и лицемерие правозащитного Запада находит повсеместное воплощение на мировом рынке труда. В современном либеральном восприятии физический труд как таковой есть такое же неприличное явление, которое, как некогда секс, вытесняется из публичного пространства. Как заметил С. Жижек, «торжествует традиция, восходящая к глубокому прошлому — скажем, вагнеровскому „Золоту Рейна“ или „Метрополису“ Фрица Ланга: там труд изображался подпольным, таинственно вершащимся в глубоких темных шахтах»¹. В настоящее время такое отношение к труду выражается в невидимости миллионов безымянных тружеников на фабриках третьего мира, от китайских «ГУЛАГов» до индонезийских, вьетнамских, гватемальских или бразильских бесконечных конвейеров, производящих массово востребованные товары, от джинсов до смартфонов. За суровой рукой рынка — интересы продовольственных корпораций США, Канады и Западной Европы, удушающих демпингом сельское хозяйство бедных регионов под видом гуманитарной помощи таким образом, чтобы местные фермеры не могли восстановить производство.

Двойные стандарты в области соблюдения прав человека реализуются в языковой политике. Сегодня в центре «демократической и цивилизованной» Европы существует государство Украина, в котором отныне законодательно десяткам миллионов коренных жителей запрещено не только получать образование, но даже говорить на их родном языке во всех общественных местах. Но это нерасистское, нацистское государство вскармливается и поддерживается всеми институтами Евросоюза — Европарламентом, Еврокомиссией, Советом Европейского союза и пр. Это, как если бы в Швейцарии запретили говорить на немецком языке, или в Бельгии на французском.

Очевидно, моральный авторитет стран НАТО на мировой арене преимущественно основывался на успешно создаваемой видимостью своей приверженности свободе слова. Ведущим инструментом этого в последнее время стали социальные сети, крупнейшие из которых Twitter, Facebook, Instagram, YouTube, Change.org созданы и контролируются в США. Однако история с подавлением в социальных сетях Д. Трампа и масштабными цифровыми репрессиями его сторонников дезавуировала миф, обнажив лицемерие этих ресурсов как пространства свободного выражения мнений. К тому же, с большой вероятностью США и его союзники с энтузиазмом бы поддержали то, что произошло в Вашингтоне, если бы это происходило в любой стране за пределами Запада.

Заметим, что изначально, при формулировании концепции естественных прав, на уровне политической практики ее автор Джон Локк, будучи замечательным философом, как известно, демонстрировал необычайное лукавство, зарабатывая на жизнь работорговлей. Основатель теории гражданского общества помогал составлять конституции рабовладельческих штатов США и вложил в работорговлю все свои сбережения. Показательным может стать обоснование толерантности, с макиавеллистских позиций, представленное Локком в «Послании о веротерпи-

¹ Беседа Дмитрия Быкова со Славоем Жижекком [Электронный ресурс] // Собеседник. № 2, 21–27 января 2004 г. URL: <https://ru-bykov.livejournal.com/3219995.html> (дата обращения: 07.02.2021).

мости» [9]. Следует отделять практику от риторики. На уровне политической практики история прав человека, как и во времена Локка, сохраняет все признаки социального неравенства, остается историей прочерчивания границ прав одних социальных групп, слоев и народов за счет ограничения других. Будем откровенны: права на власть доминируют над властью прав почти всегда, когда на карту поставлены стратегические интересы основных политических игроков; историю прав человека творят победители, но каждый по-своему...

Контекстно-ориентированный подход к правам человека

Должен ли существовать определенный список прав для всех контекстов и всех обстоятельств или права человека следует понимать в определенном контексте? Другими словами, должен ли дискурс о правах человека быть исторически обусловленным?

Очевидно, стандарты прав человека, предусмотренные основными документами и договорами о правах человека, должны соблюдаться, но в то же время существуют права, которые должны развиваться в соответствии с конкретным контекстом и конкретными потребностями людей.

Концепция прав человека представляет собой стандарт, с помощью которого мы анализируем, оцениваем действия наших правительств, меру понимания нравственности нашей совместной жизни как разумных и рациональных существ и критерий международной солидарности. Несмотря на то, что это воспринимается как должное, понимание прав человека, существует некоторая путаница в понимании их истинного значения. Почти каждый человек прибегает к правам человека, чтобы бороться с несправедливостью, требовать равного и достойного обращения и выдвигать обвинения против злоупотреблений, жертвами которых являются некоторые люди. Но очень немногие люди могут четко объяснить, что они подразумевают под правами человека. Майкл Розен сделал аналогичное наблюдение, отметив, что «в настоящее время почти каждый человек заявляет о своей приверженности правам человека, но лишь немногие люди утверждают, что у них был хороший принципиальный отчет о том, кто они и почему мы их имеем» [27, с. 54].

Скептики прав человека утверждают, что существует фундаментальный конфликт между правами человека и национальными обязательствами. При чтении между строк можно высказать два возражения в следующих терминах: «Две скептические проблемы заслуживают особого рассмотрения в этом отношении: обвинение в том, что права человека вступают в конфликт с национальными обязательствами, и возражение, что они отражают западный светский уклон» [19].

Вышеуказанные проблемы приводят к важному вопросу, касающемуся понимания прав человека. Следует ли понимать права человека в определенном контексте, будь то политический, экономический или культурный? Другими словами, должен ли дискурс о правах человека быть исторически обусловленным? Если так, разве нет риска, что они потеряют свой универсальный характер?

Права человека должны восприниматься как моральные и юридические права, потому что они больше относятся к виду общества и мира, в которых разумные существа хотели бы жить, скорее, чем просто о правах [21]. В этом смысле, подход к правам человека лишь как юридическим или моральным правам не отражает их полный смысл и масштаб и ослабляет эффективность их реализации. Если мы признаем, что права человека больше о том мире, в котором мы хотели бы жить, тогда построение такого мира требует подхода, учитывающего разнообразие культурных и политических взглядов. В противном случае, права человека будут восприниматься как навязывание западной культуры остальному миру. Этой по-

зиции придерживаются авторитетные незападные критики нынешнего корпуса прав человека, бросающие вызов его универсальности. Они утверждают, что права человека отражают и поддерживают западную культуру и мировоззрение, которые иногда расходятся с незападными культурами. Макау Мутуа, например, утверждает, что «официальные права человека, корпус, который был выпущен из европейских предикатов, стремится вытеснить все другие традиции, отвергая их. Он утверждает, что является единственным гением хорошего общества» [22]. Противовесом западнцентричной концепции прав человека должен стать мультикультурный подход к правам человека, который допускает участие всех членов сообщества и культурной среды в качестве требования, если нынешний корпус прав человека претендует на подлинную универсальность.

Вера в то, что права человека являются исключительным выражением западной культуры, упускает из виду использование прав человека как точки зрения, с которой мы претендуем на достойную жизнь. Запад может быть первым, кто сформулирует идею прав человека, но это не означает, что права человека являются монополией западной культуры. Появление прав человека на Западе является не результатом культурной склонности, а скорее следствием исторических обстоятельств. Как признается Джек Доннелли, «западные люди не имели особой культурной склонности, которая привела бы их к правам человека. Скорее Запад имел (хорошее или плохое) счастье страдать от унижений современных рынков и государств перед другими регионами. По необходимости, а не по превосходству добродетели они противостояли остальному миру в разработке ответных мер прав человека» [16].

В отличие от общепринятой литературы по правам человека и распространенного мнения, согласно которому права человека представляют собой пакет западных ценностей, необходимо видеть явное различие между универсальной сущностью прав человека и контекстуализированным дискурсом прав человека. Отождествление сущности прав человека с западной культурой отрицает возможность для других культур иметь те самые права, которые мы хотим защищать и отстаивать, в то же время подтверждая, что те, кто не является частью западной культуры, исключены из радара прав человека. Тот факт, что идея прав человека возникла и развивалась в западной культуре, не подразумевает отсутствие знаний о правах человека незападными людьми до кодификации прав человека в официальных документах и договорах.

Очевидно, предметом дискуссий о правах человека должен быть не столько их генезис, сколько — происхождение дискурса о содержании прав человека и их кодификации в официальных документах. Фактически, широкое использование выражения прав человека прослеживается в недавнем прошлом, связанном с осознанием, вызванным злодеяниями Второй мировой войны, разработкой Всеобщей декларации прав человека и Международного Пакта о гражданских и политических правах. Но это вовсе не означает, что перед этими событиями человеческие существа не имели никаких прав человека. У людей действительно были права, которые были позже кодифицированы, используя определенный язык и обнародованы через определенный дискурс. К тому же самоопределение, включая право определять основы прав человека, которые считаются приемлемыми, является неотъемлемой частью прав человека. Соответственно, принятие альтернативных основ прав человека требует уважения к различиям, потому что, если «мы можем признать соглашение только с людьми, которые разделяют весь пакет [прав человека] и движимы одними и теми же героями, консенсус либо никогда не придет, либо должен быть вынужденным» [28, с. 117]. Без принятия и уважения различий любой подход к правам человека никогда не будет всеобъемлющим. Отнюдь не приводя к инфляции прав человека, контекстуальное понимание выявляет требо-

вание открытости учиться друг у друга и дает основу для критики не только «выборочных чтений, тенденциозных толкований и узколобых применений прав человека, но и эта бесстыдная инструментализация прав человека, которая скрывает особые интересы за универалистской маской — обман, который приводит к ложному предположению, что смысл прав человека исчерпан их злоупотреблением» [17].

Наконец, стало распространенным убеждением, что контекстуализация прав человека заставляет их терять универсальный характер. Но это не очевидно. Если мы понимаем универсальность как применимость всех прав человека в равной степени ко всем людям одновременно, независимо от их социально-политических и экономических факторов, то права, которые разработаны в ответ на конкретные обстоятельства, столкнутся с проблемой универсальности. Но если мы понимаем универсальность как равную моральную заботу обо всех людях, тогда возражение становится неактуальным. Путаница в отношении универсальности прав, разработанных в определенном контексте, возникает из-за тенденции связывать универсальность с одновременностью. Контекстуализация и универсализация не исключают друг друга. Как только мы отделяем одновременность от универсальности, мы понимаем универсальный характер, который заложен в правах человека, разработанных в ответ на конкретные обстоятельства, потому что они могут быть поняты любым морально ответственным существом.

Таким образом, контекстно-ориентированный подход к правам человека проливает свет на необходимость привлечения к диалогу различных контекстов, которые не обязательно разделяют одинаковое понимание этики прав человека, выступая контекстно-зависимой универсальностью.

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика. М. : ЭКСМО-Пресс, 1997.
2. Иванов Н., Черкасов П., Исеров А. Отцы-основатели. Рождение США. СПб. : Аст-Пресс Книга, 2013.
3. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М. : Политиздат, 1990.
4. Кугай А. И. Насилие: философская позиция видения // Власть. 2013. Т. 21. № 2. С. 145–148.
5. Кугай А. И. Россия в условиях диктатуры западных геополитических проектов // Управленческое консультирование. 2015. № 4 (76). С. 8–13.
6. Кугай А. И., Михайлова В. В. «Цифровое поколение»: угрозы и надежды в эпоху информационно-цифровой цивилизации // Управленческое консультирование. 2019. № 7 (127). С. 90–99.
7. Крауч К. Постдемократия. М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.
8. Лефор К. Политические очерки (XIX–XX вв.). М. : РОССПЭН, 2000.
9. Локк Дж. Сочинения в трех томах : Т. 3. М. : Мысль, 1988.
10. Рыклин М. Apocalypse now. Философия после 11 сентября // Логос. 2002. № 3 (4) С. 111–119.
11. Тилли Ч. Борьба и демократия в Европе, 1650–2000 гг. / пер. с англ. под науч. ред. В. В. Анашвили. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2010.
12. Andorno R. Human Dignity and Human Rights as a Common Ground for a Global Bioethics // Journal of Medicine and Philosophy. 2009. N 34 (3). P. 223–240.
13. Arendt H. The Origins of Totalitarianism. New York : Harcourt, Brace & Compan, 1973.
14. Barnett M., Weiss Th. (eds.). Humanitarianism in question: politics, power, ethics. Ithaca : Cornell University Press, 2008.
15. Deng F. M. Reconciling Sovereignty with Responsibility: A Basis for International Humanitarian Action // Africa in World Politics: Post-Cold War Challenges. Boulder, Colo. : Westview, 1995.
16. Donnelly J. Universal human rights in theory and in practice. 2nd ed. Ithaca : Cornell University Press, 2003.
17. Habermas J. The Post-National Constellation: Political Essays. Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 2001

18. *Ignatieff M.* The Lesser Evil. Political Ethics in an Age of Terror. Princeton (NJ) ; Oxford : Princeton University Press, 2004.
19. *Ingram D.* World Crisis and Backwardness: a Critical Theory of Poverty, Agency, and Coercion. Cambridge: Cambridge University Press. 2018.
20. *Joas H.* The Sacredness of the Person: A New Genealogy of Human Rights. Washington, D. C. : Georgetown University Press, 2013.
21. *Moka-Mubelo V.* Reconciling Law and Morality in human rights discourse: Beyond the Habermasian description of human rights. Cham, Switzerland : Springer Publishing, 2017.
22. *Mutua M.* Human rights: Political and cultural criticism. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2002.
23. *Moyn SI.* Christian Human Rights. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2015.
24. *Pape R. A.* When Duty Calls: A Pragmatic Standard of Humanitarian Intervention // International Security. 2012. N 37 (1). P. 41–80.
25. *Rivero O. de.* The Myth of Development. The Non-Viable Economies of the 21st Century. L.; N.Y. : Zed Books, 2001.
26. *Reno W.* Sierra Leone: Warfare in a Post-State Society // Rotberg R. (ed.) State Failure and State Weakness in a Time of Terror. Washington (DC) : Brookings Institution Press, 2003.
27. *Rosen M.* Dignity: its history and significance. Cambridge : Harvard University Press, 2012.
28. *Taylor C.* Conditions for a forced consensus on human rights // The Politics of Human Rights / edited by O. Savich. London : Verso, 1999.

Об авторе:

Кугай Александр Иванович, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; kugay3@yandex.ru

References

1. Aristotle. *Nikomakhova ethics*. M. : EKSMO-Press, 1997. (In rus).
2. Ivanov N., Cherkasov P., Iserov A. *Founding fathers. The birth of the USA*. SPb. : AST-Press Kniga, 2013. (In rus).
3. Camus A. The rebellious man. *Philosophy. Politics. Art*. M. : Politizdat, 1990. (In rus).
4. Kugay A. I. Violence: the philosophical position of vision // *Power [Vlast']*. 2013. Vol. 21. N 2. P. 145–148. (In rus).
5. Kugay A. I. Russia in the conditions of the dictatorship of Western geopolitical projects // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2015. N 4 (76). P. 8–13. (In rus).
6. Kugay A. I., Mikhailova V. V. "Digital generation": threats and hopes in the era of information and digital civilization // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2019. N 7 (127). P. 90–99. (In rus).
7. Crouch C. *Postdemocracy*. M. : Publishing House of the State University — Higher School of Economics, 2010. (In rus).
8. Lefort K. *Political essays (XIX–XX centuries)*. M. : ROSSPAN, 2000. (In rus).
9. Locke J. *Works in three volumes: Vol. 3*. M. : Mysl, 1988. P. 91–134. (In rus).
10. Ryklin M. *Apocalypse now. Philosophy after September 11* // *Logos*. 2002. N 3. (4). P. 111–119. (In rus).
11. Tilly Ch. *Struggle and Democracy in Europe, 1650–2000* / ed. V. V. Anashvili. Moscow: Publishing house of the higher school of Economics, 2010. (In rus).
12. Andorno R. Human Dignity and Human Rights as a Common Ground for a Global Bioethics // *Journal of Medicine and Philosophy*. 2009. N 34 (3). P. 223–240.
13. Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. New York : Harcourt, Brace & Compan, 1973.
14. Barnett M., Weiss Th. (eds.). *Humanitarianism in question: politics, power, ethics*. Ithaca : Cornell University Press, 2008.
15. Deng F. M. *Reconciling Sovereignty with Responsibility: A Basis for International Humanitarian Action* // *Africa in World Politics: Post-Cold War Challenges*. Boulder, Colo. : Westview, 1995.
16. Donnelly J. *Universal human rights in theory and in practice*. 2nd ed. Ithaca : Cornell University Press, 2003.
17. Habermas J. *The Post-National Constellation: Political Essays*. Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 2001.

18. Ignatieff M. The Lesser Evil. Political Ethics in an Age of Terror. Princeton (NJ) ; Oxford : Princeton University Press, 2004.
19. Ingram D. World Crisis and Backwardness: a Critical Theory of Poverty, Agency, and Coercion. Cambridge: Cambridge University Press. 2018.
20. Joas H. The Sacredness of the Person: A New Genealogy of Human Rights. Washington, D. C. : Georgetown University Press, 2013.
21. Moka-Mubelo V. Reconciling Law and Morality in human rights discourse: Beyond the Habermasian description of human rights. Cham, Switzerland : Springer Publishing, 2017.
22. Mutua M. Human rights: Political and cultural criticism. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2002.
23. Moyn SI. Christian Human Rights. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2015.
24. Pape R. A. When Duty Calls: A Pragmatic Standard of Humanitarian Intervention // International Security. 2012. N 37 (1). P. 41–80.
25. Rivero O. de. The Myth of Development. The Non-Viable Economies of the 21st Century. L.; N.Y. : Zed Books, 2001.
26. Reno W. Sierra Leone: Warfare in a Post-State Society // Rotberg R. (ed.) State Failure and State Weakness in a Time of Terror. Washington (DC) : Brookings Institution Press, 2003.
27. Rosen M. Dignity: its history and significance. Cambridge : Harvard University Press, 2012.
28. Taylor C. Conditions for a forced consensus on human rights // The Politics of Human Rights / edited by O. Savich. London : Verso, 1999.

About the author:

Alexander I. Kugay, Professor of the Chair of the State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; kugay3@yandex.ru